

**А. В. Тереховская, доцент кафедры мировой литературы
Прикарпатского национального университета им. Василя Стефаника
г. Ивано-Франковск**

**«Повести покойного Ивана Петровича Белкина» как цикл:
к изучению творческого наследия А. С. Пушкина в вузе**

«Повести Белкина» неоднократно были предметом научного изучения, и, кажется, о них уже сказано все. Вместе с тем, опыт преподавания творчества А. С. Пушкина в вузе показал, что существует ряд вопросов, которые вызывают у студентов некоторые трудности при изучении. Таким, в частности, является вопрос о «Повестях Белкина» А. С. Пушкина как цикле.

Итак, объектом нашего исследования являются «Повести покойного Ивана Петровича Белкина», а предметом – проблема их цикла. Естественно, что ничего принципиально нового по этой проблеме мы не предложим, так как этот аспект изучения «Повестей...» уже неоднократно освещался в научной литературе. Однако мы позволим себе еще одну апелляцию к этой проблеме, расставив по-иному научные акценты. В таком ключе данная статья имеет не научный, а учебно-методический характер.

В первую очередь, обращает на себя внимание наличие содержательного предисловия, из которого внимательный читатель непременно почерпнет информацию о личности автора, его характере, пристрастиях, социальном положении, образовании и даже внешности: «<...> Иван Петрович был росту среднего, глаза имел серые, волоса русые, нос прямой; лицом был бел и худощав. <...> Вел жизнь самую умеренную, избегал всякого рода излишеств. <...> Он получил первоначальное образование от деревенского дьячка. Сему-то почтенному мужу был он, кажется, обязан охотою к чтению и занятиям по части русской словесности. <...> До самой кончины своей он почти каждый день со мною виделся, дорожа простою моею беседою...» [5; 82-83]. Приведенные цитаты позволяют предположить, что автор был человеком простым, но любознательным, его более всего занимали человеческие судьбы и разнообразные жизненные истории, которые он слышал от разных лиц и впоследствии захотел поведать читателю: «Они (повести

– А. Тереховская), как сказывал Иван Петрович, большею частью справедливы и слышаны им от разных особ» [5; 83]. Как видно, автор имел своего рода установку – услышать, а затем рассказать читателю как можно больше «справедливых» жизненных историй. Этой самой установкой автор уже объединяет повести в своеобразный цикл.

Нельзя не отметить язык «Повестей...», главной отличительной чертой которого является дифференцированность и соединение высокого литературного языка с просторечными языковыми формами. Это создает эффект дополнительной правдивости и достоверности описанных событий. Автор намеренно употребляет профессионализмы. Так, в повести «Выстрел» широко представлен армейско-офицерский лексикон: «дуэль», «упражнения в стрельбе из пистолета», «комнаты источены пулями», «несчастливая жертва ужасного искусства», «держал открытый стол для всех офицеров нашего полка», «пулей сбить грушу с фуражки», «стоять под пистолетом», «секунданты», «отмерить двенадцать шагов». В повести «Гробовщик» часто употребляется узко-специальная ремесленная лексика: «гробы всех цветов и всякого размера», «шкапы с траурными шляпами, мантиями и факелами», «покойница», «дубовые гробы», «сосновые гробы». В «Станционном смотрителе» ярко представлены ямщицкие слова и выражения, а также лексика станционных смотрителей: «ехал на перекладных», «платил за прогоны», «курьерская тройка», «почтовый тракт», «подорожная». Изобилует помещицкой провинциальной лексикой, а также крестьянскими дворовыми говорами повесть «Барышня-крестьянка»: «хозяйственные упражнения», «записывать расход», «деревенские барышни», «лапти», «сарафан», «девичья», «кузнец», «барин». Используемый автором языковой прием способствует более глубокому проникновению читателя в описанную обстановку, расширяет читательское воображение, создает специфический колорит воссозданной писателем атмосферы.

Этим же функциям подчинен и язык действующих персонажей: он живой, яркий, насыщенный и главное, как уже было отмечено, дифференцированный. По справедливому наблюдению Е. Н. Купреяновой, «Пушкин имитирует языковую «действительность» внутреннего мира героев повестей, самых обыкновенных,

заурядных русских людей разных общественных состояний, которые устами столь же заурядного Ивана Петровича Белкина <...> как бы сами повествуют о себе и о своей жизни так, как видят и понимают ее и себя» [2; 294-295].

Каждому чину, всякому социальному лицу в зависимости от возраста, профессии, места проживания, интересов и уровня образованности соответствует свой язык. И хотя на первый взгляд он кажется ровным, выдержанным, внимательный читатель не может не отметить стилевой и диалектологической пестроты «Повестей...».

Так, молодые офицеры в повести «Выстрел» общаются на специфическом «офицерском» жаргоне, в котором преобладают отмеченные выше армейские разговорные штампы с элементами «гусарского» жаргона.

Барышня Марья Гавриловна из повести «Метель», как яркая представительница провинциального дворянства, «воспитанная на французских романах», разговаривает, кроме французского, на чистом литературном русском языке, используя устойчивые книжные выражения и нередко высокую лексику. Это характеризует ее как образованную и добропорядочную барышню.

Другое дело старый гробовщик Адриан Прохоров (повесть «Гробовщик»), более всего на свете любящий свое «мрачное» ремесло. Весь его духовный мир – это гробы разных цветов и разных размеров, траурная атрибутика, новопреставленные и состоятельные потенциальные покойники и покойницы вроде купчихи Трюхиной. Говор Адриана Прохорова испещрен специфической траурной терминологией, уже отмеченной нами выше. Это позволяет читателю создать более наглядное представление и о нем самом, и о его роде занятий.

Станционный смотритель Самсон Вырин из «Станционного смотрителя» также изъясняется особым, характерным его чину и местности, в которой он проживает, языком – простым, лишенным всяких художественных украшений, но ясным и понятным. Автор явно симпатизирует представителям этого сословия и, по его же словам, «предпочитает их беседу, <...> любопытную и поучительную, речам какого-нибудь чиновника 6-го класса следующего по казенной надобности» [5; 130].

Пожалуй, самая богатая в языковом отношении повесть «Барышня-крестьянка», в которой все действующие персонажи наделены своим особым речением. «Умнейший человек во всем околке» Иван Петрович Берестов, который «ничего не читал, кроме «Сенатских ведомостей», изъясняется только по-русски, причем в его русском лексиконе доминирует помещичья хозяйственно-бытовая терминология. Его сосед англоман Григорий Иванович Муромский, который «почитался человеком не глупым», часто не к месту разбавляет свой русский говор английскими фразами, почерпнутыми из английских журналов.

Молодой барин Алексей Берестов может говорить и языком «истинной страсти» (в беседе с Лизой в лесу), и шутливо-игривым языком кавалера крестьянских девушек (на дне рождения у поваровой жены), и языком истинного достоинства дворянина в общении с отцом. Можно предположить, что он был мастером и интимного эпистолярного жанра в письмах к таинственной А. Н. Р.

Целый клад в языковом отношении представляет собой Лиза-Бетси Муромская. Какой разной благодаря своему языку она может быть, какие необыкновенные метаморфозы с ней происходят. Совершенно одна Лиза-Бетси в общении со своим отцом и воспитательницей мисс Жаксон. Ее язык (причем и русский, и английский) грамотный, правильный, лишенный диалектных форм и просторечных конструкций.

Абсолютно другая Лиза в общении с Настей. Она как бы стремится уподобиться Насте с помощью языка и искусственно снять между ними все классовые границы. Надо полагать, Лиза убеждена, что таким образом они смогут лучше понимать друг друга, и она великодушно снисходит до уровня своей милой ветреной девицы. Лиза нарочно употребляет просторечные языковые формы, разговаривает преимущественно на доступные Настиному пониманию темы: любовные интрижки, любовные мечтания, игры, девичьи сплетни, девичьи забавы и проказы. Между ними полное доверие, и, пожалуй, более близкого человека, чем Настя, у Лизы нет.

А как мастерски Лиза сыграла роль крестьянской девицы Акулины. И хотя не последнее место в ее превращениях занял крестьянский туалет, приобретенный с

помощью все той же Насти, однако без владения крестьянским говором Лиза бы провалила свой план. Она сама признается: «А по-здешнему я говорить умею прекрасно» [5; 151]. У Алексея не закралось даже толики сомнения, что перед ним крестьянка. Лиза искусно и очень кстати употребляет народные поговорки, ссылается на народные приметы, демонстрирует знание здешних народных моральных устоев. На желание Алексея найти ее завтра у Василия кузнеца, Лиза с живостью возразила: «Что ты? Ради Христа не приходи. Коли дома узнают, что я с баринном в роще болтала наедине, то мне беда будет; отец мой, Василий кузнец прибьет меня до смерти» [5; 155]. Простодушный убедительный Лизин ответ в дополнение к милому крестьянскому образу не могли не произвести должного действия – Алексей был восхищен.

Подводя итог в исследовании языкового вопроса «Повестей...», можно с уверенностью констатировать, что их мир столь ярок и добродушен во многом благодаря повествовательному слогу, «<...> живописующему русскую повседневную и низовую действительность как бы изнутри ее самой, воплощающему ее собственное самосознание...»[2; 295].

Нельзя не обратить внимание на тот факт, что во всех повестях цикла действие происходит в провинции, а не в больших столичных городах. Это не случайное совпадение. Скорее всего, автору провинциальная ментальность знакома и близка. Это подтверждает и предисловие. По мысли автора, провинциальный уклад жизни – особый. Это своего рода философия, стиль жизни, главными признаками которого являются отсутствие суеты, живой неподдельный интерес ко всему, что тебя окружает, умение дорожить самыми простыми, банальными вещами – будь то людская беседа, красивый природный пейзаж, вкусный обед с домашней наливкой или обычная книга. Именно в провинции человеческую жизнь во всем ее многообразии можно рассмотреть как бы под микроскопом благодаря ее размеренному неторопливому ходу. Показательно, с каким трепетом автор описывает уездных барышень: «Те из моих читателей, которые не жилали в деревнях, не могут себе вообразить, что за прелесть эти уездные барышни! Воспитанные на чистом воздухе, в тени своих садовых яблонь, они знание света и

жизни почерпают из книжек. Уединение, свобода и чтение рано в них развивают чувства и страсти, неизвестные рассеянным нашим красавицам...» [5; 147].

Более того, «провинция» во многом обуславливает специфику характеров героев и способствует созданию эффекта драматичности, психологической напряженности и остроты действия. В этом нет ничего удивительного: в провинции в силу ограниченности круга занятий люди больше дорожат живым человеческим общением и любое жизненное событие, радостное или трагическое, воспринимают намного острее и глубже. И даже чужую беду они способны пережить как собственную. Этим объясняется общее для всех повестей настроение преувеличенной отзывчивости и взволнованности, которое вскоре передается и читателю.

Важно отметить, что в основе всех повестей, входящих в цикл, лежит единый художественный метод, который являет собой сочетание романтических и реалистических тенденций и в обрисовке характеров персонажей, и в описании межличностных отношений и даже в создании типических жизненных ситуаций и обстоятельств. Собственно говоря, вопрос о художественном методе «Повестей...» до сих пор остается открытым. Несмотря на обилие разных, порою противоположных позиций по этой проблеме, литературоведы (Гуковский, Маймин, Макогоненко) справедливо сходны в одном: художественная эклектика «Повестей...» – главный критерий их поэтического совершенства. Действительно, трудно определить качественное и количественное соотношение в «Повестях...» романтизма с реалистической эстетикой. Важно другое: сам автор снял с себя обязательства быть верным тому или иному направлению. Он поставил перед собой иную задачу – быть максимально увлекательным и убедительным рассказчиком. Очевидно, что на пути к своей цели для него все художественные системы были важны и одинаково хороши. Например, используя типично романтические сюжеты, автор помещает их в типично реалистические обстоятельства, и они приобретают иное правдиво-конкретное звучание. От романтической абстрактности и неправдоподобности практически ничего не осталось. Именно такой предстает перед читателем картина побега Марьи Гавриловны из дому, ее тайное венчание в

церкви со случайным проезжим, а затем их «случайная» встреча и вспыхнувшая любовь. («Метель»).

Типично романтической затеей является использование автором мотива сна в «Гробовщике». Вместе с тем, как реалистично даже натуралистично описаны все похороненные Адрианом Прохоровым и пришедшие к нему во сне покойники, с какой тонкой неподдельной иронией передает автор их «разговоры»: «В эту минуту маленький скелет продрался сквозь толпу и приблизился к Адриану. Череп его ласково улыбался гробовщику. Ключки светло-зеленого и красного сукна и ветхой холстины кой-где висели на нем, как на шесте, а кости оного бились в больших ботфортах, как пестики в ступах. «Ты не узнал меня, Прохоров, – сказал скелет. – Помнишь ли отставного сержанта гвардии Петра Петровича Курилкина, того самого, которому, в 1799 году, ты продал первый свой гроб – и еще сосновый за дубовый?» [5; 127].

Без сомнения романтической является идея «неравного» брака (барин Алексей – крестьянка Акулина) в повести «Барышня-крестьянка». Однако описание динамики развития их отношений и колоритная обрисовка обстоятельств, этому способствующих, заставляют читателя поверить в возможность и правдоподобность таких ситуаций: «<...> В первый раз видел он (Алексей – А. Тереховская) ясно, что он в нее (Акулину – А. Тереховская) страстно влюблен; романическая мысль жениться на крестьянке и жить своими трудами пришла ему в голову, и чем более думал он о сем решительном поступке, тем более находил в нем благоразумия» [5; 168-169].

Таким образом, «Повести...» представляют не противостояние романтизма и реализма, а их гармоничный художественный союз. Как справедливо отмечает Е. Н. Купреянова, «В «Повестях Белкина» сентименталистские сюжеты и характеры французской прозы XVIII-начала XIX в. вместе с их русским перевыражением получают и свою реалистическую детализацию» [2; 295].

Показательно, что каждая повесть, входящая в цикл, препровождена красноречивым эпиграфом, который отыгрывает одновременно и концептуальную и художественно-эстетическую роли. При этом тексты эпиграфов взяты из русской

литературы конца XVIII-начала XIX в. – из поэзии Богдановича, Державина, Жуковского, Баратынского. Наличие подобного композиционного элемента также существенно сближает повести в художественно-поэтическом отношении.

Анализируя композицию повестей, нельзя не отметить содержательные, часто доверчиво-простодушные и вместе с тем ироничные лирические отступления. Их читать – одно удовольствие. Это рассуждения на предмет деревенского способа жизни («Выстрел»), размышления о духовной красоте и богатстве русских женщин, сумевших достойно вынести тяготы Отечественной войны 1812 года и тепло встретить русского солдата-победителя: «Женщины, русские женщины были тогда бесподобны. Обыкновенная холодность их исчезла. Восторг их был истинно упоителен, когда, встречая победителей, кричали они: ура!

И в воздух чепчики бросали» [2; 112].

Какой тонкой философией и христианской терпимостью проникнуты авторские рассуждения о тягостном «кресте» станционных зрителей («Станционный зритель»): «<...> Что такое станционный зритель? Сущий мученик четырнадцатого класса, огражденный своим чином токмо и то не всегда... <...> Покою ни днем, ни ночью. Всю досаду, накопленную во время езды, путешественник вымещает на зрителе. Погода несносная, дорога скверная, ямщик упрямый, лошади не везут – а виноват зритель» [2; 129].

Не могут не произвести впечатления трепетные авторские размышления о «свежести» и «самобытности» деревенских барышень, уже цитированные выше. Они преисполнены неподдельного откровения и мягкой завуалированной иронии.

В завершение статьи необходимо акцентировать внимание на объединяющих все повести цикла неожиданных, но оптимистических концовках. «Выстрел», «Метель», «Гробовщик», «Барышня-крестьянка» и даже «Станционный зритель» по их прочтению оставляют светлое, жизнелюбивое ощущение, ощущение веры в торжество добра, любви и справедливости. Более того, каждая повесть преподает читателю определенный жизненный урок, призывая его любить жизнь, любить людей, быть честным перед собой и ответственным за свои поступки, уважать христианские идеалы милосердия и любви.

Литература:

1. Гуковский Г. А. Пушкин и проблемы реалистического стиля. – М., 1957.
2. Купреянова Е. Н. А. С. Пушкин // История русской литературы: В 4-х т. – Т. 2. От сентиментализма к романтизму и реализму. – Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1981 – С. 235-324.
3. Маймин Е. А. Пушкин. Жизнь и творчество.
4. Макогоненко Г. П. Творчество А. С. Пушкина в 1830-е годы. – Л., 1974.
5. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 10 томах. – Т. 6. Художественная проза. – М.: Наука, 1964.

Аннотация

В статье предпринята попытка объяснения, почему А.С.Пушкин объединил «Повести Белкина» в цикл. Акцент сделано, прежде всего, на языковом вопросе. Установлено, что язык персонажей повестей дифференцированный и выступает ярким средством их характеристики. Вместе с тем язык повестей прост, незамысловат, лаконичен, изобилует просторечными формами и выражениями. Установлено, что именно языковой вопрос является ключевым критерием их объединения в цикл.

Ключевые слова: цикл, дифференцированный язык, просторечные формы и выражения.

Анотація

В статті здійснено спробу з'ясувати, чому «Повісті Белкіна» О.С.Пушкіна об'єднані в цикл. Акцент зроблено насамперед на мовному питанні. Визначено, що мова персонажів повістей диференційована і є яскравим засобом їхньої характеристики. Разом з тим мова повістей проста, лаконічна, насичена просторічними формами та виразами. Встановлено, що саме мовне питання є ключовим критерієм їхнього об'єднання в цикл.

Ключові слова: цикл, диференційована мова персонажів, просторічні форми і вирази.

SUMMARY

In the article it is made an attempt to find out why “Povisti Byelkina” by A. S. Pushkin is united into a cycle. The accent is made first of all on the lexical problems. It is asserted that the personages’ speech is differentiated and is a bright means of their characteristics. The language of the long stories is laconic, full of common forms and expressions. It is proved that the language specific is a key criterion of their uniting into a cycle.

Key words: cycle, the personages’ speech is differentiated, common forms and expressions.